

Не дав Гу Сяодуну вставить ни слова, Гу Цзиньюй опустил голову, принявшись рассеянно гладить щенка, и сменил тему:

— В клане Гу подобных распоряжений пока не предвидится. Ты и сама знаешь, вторая сестра, что Второй принц до сих пор не выбрал себе супругу. Третий брат всё ещё в походах, при армии. А мне всё это и даром не нужно.

Сяодун бережно потискал мягкие лапки Сяо Пэя и безрадостно усмехнулся:

— Что ж, в клане Су подсустились на редкость рано.

— Это лишь начало, — сухо отозвался Цзиньюй.

Он видел всё предельно ясно. Если в клане Гу воспитание походило на жестокую попытку ускорить рост, силой вытягивая ростки из земли, то в клане Су действовали куда тоньше — варили лягушку на медленном огне, балуя до поры до времени, чтобы затем плавно, но неотвратимо закрутить гайки. Клан Гэ стоял особняком: там детей растили в дикости, возвращая в их душах лютую ненависть. С кланом Гуань же всё было проще всего: они нарочно притворялись легкомысленными повесами, уводя наследников подальше от дворцовой грызни, хотя тот же Гуань Юньцзи, вечно вращаясь среди продажной любви и столичного лоска, ухитрялся хранить безупречную чистоту.

Последние пять лет стали для Цзиньюйа временем тотального бессилия, в то время как Су Минья наслаждался безмятежной свободой, получая от жизни всё, чего только мог пожелать. До своих семнадцати лет Цзиньюй ещё мог оберегать Сяодуна, но теперь на его плечи одна за другой станут ложиться семейные обязанности, связывая по рукам и ногам, лишая прежней воли.

И всё же Гу Цзиньюй умел ждать. Он затаился, терпеливо выжидая свой час.

— Про Су Сяююаня тебе рассказал Дунчэнь? Или Юньцзи проболтался? — Цзиньюй с напускным равнодушием сжал другую лапу щенка. — У них у самих забот полон рот. На Дунчэня вон положила глаз одна из принцесс императорского рода, но его семья ответила отказом. У Юньцзи сватов тоже хоть пруд пруди: законную жену ему пока не прочат, но в наложницы набиваются десятками.

Сяодун удивлённо округлил глаза, шутливо поводя пальцем перед мокрым носом Сяо Пэя:

— Поверить не могу! Они что, тоже в один прекрасный день объявятся со своим ребёнком, как ты? С самым настоящим?

— Юньцзи — точно нет, по крайней мере, в ближайшие года четыре, — Цзиньюй не кривил душой, хотя кое-какие скользкие детали предпочёл умолчать. — А вот насчёт Дунчэня я бы не

поручился... Этот мерзавец... Словом, держись от него подальше. В знатных домах с женитьбой не шутят: что для мужчин, что для женщин тринадцать лет — ещё не рано, тридцать — ещё не поздно. Служба государству всегда на первом месте, а постельные утехи — на самом последнем.

— Вот как... — протянул Сяодун.

Цзиньюй весь обратился в слух. Он ждал, что Сяодун расспросит его подробнее — о ком-то другом или о нём самом. Ему отчаянно хотелось доказать, что именно он — его единственная надёжная опора, способная уберечь от любых невзгод.

Сяодун ласково погладил щенка по голове, немного поразмыслил и спросил:

— Слушай, Сэньцин, а у тебя самого есть кто-то на примете? Тот, с кем хотелось бы разделить жизнь... или хотя бы провести год? Раньше ты, помнится, очень пёкся о своей женитьбе.

Цзиньюй опешил, а затем насторожился:

— Разве?

— А кто вечно твердил, будто я разрушу твоё семейное счастье? — Сяодун раскинул руки, в шутливом жесте изображая, как пять лет назад свалился в воду. — Пусть сейчас тебе это не нужно, но когда придёт время выбирать невесту, какую девушку ты захочешь видеть рядом с собой?

Цзиньюй застыл, не сводя с него глаз. Прошло немало времени, прежде чем он, тщательно взвешивая каждое слово, решился на робкую проверку:

— Возможно... Моим избранником окажется вовсе не девушка...

— Надеюсь, ты не собираешься увлечься мужчинами? Это же вмиг погубит твою репутацию. Даже не думай об этом, лучше держись прежнего пути до самого конца, — Сяодун горько усмехнулся и печально опустил голову. — Меня-то в это болото затащили силой, так хоть ты не повторяй моих ошибок.

У Цзиньюя дрогнули пальцы. Его словно иглой укололо от этого внезапного признания. А Сяодун тем временем уже гладил щенка и с улыбкой качал головой:

— Ладно, глупости говорю. Ты точно так не поступишь. Ты ведь блистательный четвёртый молодой господин Гу, шаг за шагом выстроивший своё положение с самых низов. Да и отец с матерью наверняка уже распланировали твоё будущее до мелочей. Тебе это не грозит.

Цзиньюю нечего было возразить. Он лишь молча наблюдал, как Сяодун поднимает на руки тихонько поскуливающего Сяо Пэя и шутливо машет ему пушистой лапкой:

— Ну всё, не будем о грустном. Давай лучше обустроим для Сяо Пэя тёплый уголок. Тебе ведь завтра предстоит хлопотливый день? Иди умойся и ложись пораньше.

— Хорошо, — негромко отозвался тот.

Они принялись вместе возиться с собачьим ложем. Цзиньюю сослался на поздний час и вызвался остаться на ночь, против чего Сяодун ничуть не возражал. Закончив с делами, он заметил, что гость всё ещё нерешительно топчется на месте, и легонько подтолкнул его к выходу.

Сяодун, словно упрямый ледокол, выпроводил его за дверь. Усмышав тихое пожелание добрых снов, он уже собирался уйти, когда Цзиньюю осторожно добавил:

— Шаньцин... Тебе не стоит... не стоит из-за Су Минья так изводить себя.

Сяодун не выдержал и прыснул:

— Да-да, премного благодарен нашему молодому отцу за заботу. Пусть ты у нас и одинокий папаша, не познавший прелестей любви, зато подмечаешь всё на лету. Спасибо тебе большое. Ступай уже отдыхать, на тебе же лица нет от усталости.

Сяодун затворил за ним дверь и, похлопав себя по щекам, решил тоже лечь спать ради здоровья и красоты. Однако ночь выдалась беспокойной. Навязчивые думы роились в голове, не давая забыться глубоким сном. Среди ночи он окончательно проснулся и с досадой взъерошил свои длинные волосы.

«И почему мне не спится? — Сяодун сел в постели, глядя на темные очертания мебели. — Столько лет прошло, а прошлое всё не отпускает»

В глухую полночь разум часто мечется между предельной ясностью и полным хаосом. Сяодун запустил пальцы в шевелюру, и его неожиданно поразило то, какими скользкими и шелковистыми стали его локоны.

Они не всегда были такими. В былые времена, когда они с Чжан Дэнцином скитались среди простого люда, они частенько заплетали друг другу волосы. Тогда те казались жесткими, обветренными.

А теперь, после долгих лет тщательного, повседневного ухода, его волосы струились подобно дорогому шёлку.

Да и не только они — всё его тело подвергалось строгой заботе лекарей и слуг. За эти пять лет он изменился до неузнаваемости, став бесконечно далёк от того наивного, растерянного мальчишки, который когда-то впервые переступил порог поместья Гу.

Интересно, каков сейчас Чжан Дэнцин там, в суровых военных лагерях?

Хотя все эти годы он исправно получал от названного брата письма, которые раз в пару месяцев приносил на своих мощных лапах кречет Догоревший фитиль, и всегда отправлял ответы, увидеть его воочию ему так и не довелось.

Сяодун снова отчаянно по нему тосковал.

Ночь дышала сыростью и густым туманом. Сяодун накинул на плечи халат и тихо, на цыпочках побрёл по комнате, боясь потревожить чуткий сон устроившегося за стеной Цзиньюя или пригревшегося в своём гнёздышке щенка.

Ему вообще не хотелось никого будить.

Даже собственную душу.

Опустившись на корточки перед свежестроенной будкой, он долго смотрел на сладко спящего чёрно-белого кроху. Сяодун бережно погладил его по воздуху, не касаясь шерстки, и от этого простого жеста на душе сделалось капельку светлее.

Наглядевшись на щенка, он поднял взор к окну. За стеклом дрожал призрачный лунный свет. Прямо под раскидистым карнизом, устроившись в гнезде, спал кречет Догоревший фитиль. Птица, словно почуяв его взгляд, приподняла голову и вытянула шею в его сторону.

Сяодун невольно улыбнулся, глядя на этих двоих — пернатого и четвероногого хранителей его покоя. С недавних пор он начал ловить себя на мысли, что ладить с животными куда проще и приятнее, чем с людьми. Их преданность лишена фальши.

Теперь, когда у него появился этот маленький пушистый комочек, даже самый хмурый день обещал приносить радость.

На следующий день Гу Цзиньюй поднялся ещё до рассвета. Сяодун понимал его спешку: нужно было успеть вернуться в Западный сад процветания до того, как проснутся остальные, иначе его визит в Восточный лесной сад обернётся гневом Гу Яня или упрёками госпожи Ань.

Небо затянули серые утренние сумерки. Прежде чем уйти, Цзиньюй долго и нерешительно

топтался у его порога.

Сяодун так и не сомкнул глаз. Весь день он просидел за столом, занося путевые заметки в свой заветный дневник, а в перерывах возился со щенком, даже не думая выходить на улицу. Лишь когда закатное солнце окрасило небо багрянцем, он с явной неохотой отложил кисть.

Фэнхуань, прождавший его с самого утра, наконец не выдержал и робко спросил:

— Молодой господин, вы собираетесь куда-нибудь выйти?

— Да, пожалуй, — Сяодун сладко потянулся. — Переоденусь в простую одежду да пройдусь, разомнусь маленько...

— Из бамбукового двора пришёл слуга.

Сяодун так и замер на полуслове. Слуги из бамбуковой усадьбы клана Су были ему слишком хорошо знакомы. Эти двое умели буквально всё, но чаще всего ему приходилось сталкиваться с их непревзойденным мастерством маскировки.

Чувствуя, как к горлу подступает нервный смешок, он велел впустить гостя и спросил напрямик:

— Снова пришёл менять мне лицо?

— Так точно, — почтительно отозвался слуга.

Сяодун с досадой хлопнул себя по коленям. Пусть ему и запрещалось покидать поместье Гу без спросу, но превращать обычную прогулку в тайную вылазку с переодеванием казалось верхом нелепости. Подумаешь, собрался дойти до Башни Сбора Звёзд! Чего они так боятся? Неужто того, что дотошные зеваки заметят наследника клана Су рядом с безродным приёмным Гу и запятнают его безупречную репутацию сплетнями?

Сяодун коротко расхохотался и круто повернулся к спальне, решив немного подразнить гостя:

— Ну и ладно. Никуда я не пойду. К тому же я проголодался. Фэнхуань, сваришь мне на ужин похлёбку из таро?

Фэнхуань испуганно сжался, а слуга из клана Су и вовсе побелел от страха и с глухим стуком рухнул на колени:

— Господин Гу! Смилуйтесь! Пощадите ничтожную жизнь!

Сяодун замер. В памяти невольно всплыл случай четырёхлетней давности: тогда в коридоре Двора учеников на него напали бездельники, накинув на голову мешок. Когда он спросил у перепуганного служки, чьих рук это дело, тот точно так же упал перед ним ниц, моля о пощаде.

Он ненадолго погрузился в свои мысли, пока этот человек — которого он за столько лет уже привык считать почти другом — истово бился лбом о пол. Сяодун поспешно подбежал к нему, силой заставил подняться и виновато забормотал:

— Прости, прости, я просто пошутил! Ладно тебе, давай своё снадобье. Мне, вообще-то, даже нравится менять обличье.

Только тогда мертвенно-бледное лицо слуги приняло живой оттенок. Он суетливо поклонился и принялся за работу. Загримировав Сяодуна в мгновение ока, он так же спешно, точно за ними гнались черти, повёл его к Башне Сбора Звёзд.

Сяодун устроился в карете, прижимая к груди шкатулку со сладостями. Насвистывая сквозь зубы незатейливый мотивчик, он лениво косился на шумные улицы Чанло, утопающие в золотистом свете заката.

Покои Яркой Свечи

Слуга так неистово гнал коней, что Сяодун решил, будто Су Минья уже ждёт его там. Однако, поднявшись на самый верх Башни Сбора Звёзд, в Покои Яркой Свечи, он обнаружил лишь пустое помещение, залитое багровыми лучами уходящего солнца.

— Прошу вас, подождите немного, — суетился проводник. — Молодой господин пока занят важными делами и не может отлучиться. Желаете ли отведать каши из таро? Я мигом всё устрою.

Они не виделись всего месяц, но отношение слуги разительно изменилось. Он держался столь предупредительно и робко, что Сяодун почувствовал себя неловко, словно вернулся в те времена, когда только-только попал в высший свет.

— Не нужно, я не голоден, — он подошёл к привычному окну, откуда открывался величественный вид на раскинувшуюся внизу усадьбу Су. — Я просто подожду его.

— Господин, скорее всего, задержится. Может, всё же перекусите?

— Ладно, делайте как знаете, — Сяодун прислонился к подоконнику, положив подбородок на скрещенные руки, и уставился на сгущающиеся сумерки.

Слуга поспешил выполнить приказ, не смея больше докучать расспросами. Впрочем, уходить далеко он не решался — караулил у дверей, опасаясь, как бы этот непредсказуемый юноша не передумал и не сбежал в самый неподходящий момент.

Он то и дело боязливо оглядывался на комнату. К счастью, гость смирно сидел у окна, мерно покачивая ногами. Он стал заметно молчаливее, чем прежде, но в остальном остался всё тем же прежним Сяодуном. Один лишь его хрупкий силуэт в полумраке рождал в душе необъяснимый покой.

Тьма сгустилась быстро. Лишь к часу Свиньи на пороге наконец показался молодой хозяин. Боясь навлечь на себя его гнев, слуга поспешил доложить:

— Господин, молодой господин Гу ожидает вас здесь ещё с часа Петуха.

— Знаю, — коротко бросил тот.

Слуга облегчённо перевёл дух. Напряжение, мучившее его последний месяц, наконец отпустило. Он бесшумно приоткрыл дверь покоев, но Су Минья внезапно замер на пороге. Навстречу ему рванулся прохладный ночной ветер, а сам он стоял неподвижно, устремив отрешённый, исполненный тоски взор на сидящего у окна юношу.

Сердце слуги вновь заколотилось от тревоги. Он бросал отчаянные взгляды на Сяодуна, мысленно моля его: «Обернись же, поскорее обернись!»

И Сяодун словно услышал этот немой призыв. Он медленно повернул голову и, несмотря на нелепый, тёмный грим, искажавший его черты, озарил комнату своей привычной тёплой улыбкой:

— С днём рождения, молодой господин Су.

Лицо Су Минья мгновенно смягчилось. Сделав шаг в комнату, он тихо спросил:

— Почему не смыл эту грязь с лица?

— А мне нравится моё новое обличье, — весело отозвался Сяодун. — Или ты сам хочешь меня умыть? Заодно поделюсь с именинником удачей.

Дверь за ними бесшумно захлопнулась. Слуга снаружи обессиленно прислонился к стене. Ему оставалось лишь подивиться тому, насколько искусно этот юноша умел усмирять бури в душе его господина.

В полумраке просторных покоев Су Минья медленно приближался к окну. Ему казалось, что

Сяодун обладает удивительным даром согревать и освещать всё вокруг, подобно ласковому солнечному лучу. Стоило ему оказаться рядом, как все тревоги отступали, уступая место безотчётному восторгу.

Усталость, копившаяся в теле Су Миньи весь день, бесследно растворилась. Ему безумно, до боли хотелось укрыть это сокровище от чужих глаз за неприступными стенами, спрятать в широком рукаве, прижать к самому сердцу, унести с собой туда, где никто не посмеет его коснуться.

Глаза Сяодуна заискрились живым блеском. Он заворожённо наблюдал за приближающимся Су Миньей, чей силуэт тонул в серебряном лунном сиянии. Смущённо потерев кончик носа, он наконец сдался под напором долгой разлуки и тихо проговорил:

— Ты, должно быть, очень устал? Тебе бы сейчас отдыхать в родной усадьбе, а не мчаться сюда посреди ночи.

Су Минья лишь безмолвно покачал головой. Сжав его ладонь в своей, он осторожно, но крепко притянул его к себе:

— Ничуть не устал. И это было просто необходимо.

Сяодун уткнулся лбом в его плечо. Вся его напускная обида мгновенно испарилась, уступив место щемящей нежности. С трудом сдерживая подступившие слёзы, он крепче обнял его за шею:

— Знаешь... я ведь правда очень скучал по тебе.

Су Минья издал глухой, прерывистый вздох и лишь теснее прижал его к груди, словно стараясь слиться с ним воедино.

Они простояли так долго, прежде чем в тишине раздался тихий, чуть дрожащий смешок Сяодуна:

— И почему ты молчишь? Если не ответишь, я снова начну дуться.

Только тогда Су Минья неохотно отстранился и легонько ущипнул его за щёку:

— Если злишься — ругай меня, сколько душе угодно. Позволь мне смыть этот грим, а я буду безропотно слушать все твои упрёки.

Сяодун шмыгнул носом, силясь выдавить хоть одно злое слово, но вместо этого на его глаза навернулись непрошеные слёзы. Он лишь тихо вздохнул, позволяя Су Минье бережно стирать

влажным полотенцем краску с его лица.

Минья нежно придерживал его за плечи, стирая грим бережными, выверенными движениями художника, поправляющего драгоценный холст. Чтобы разрядить обстановку, он негромко заговорил первым:

— У тебя очень изящная шея. Если бы здесь, на изгибе, красовалось несколько аккуратных родинок, это выглядело бы невероятно соблазнительно.

Сяодун шутливо подался вперед, коснувшись тонкими бледными пальцами своей шеи:

— Раз уж тебе так хочется, можешь сам нарисовать их кистью. Твоя рука тверда, уж ты-то точно знаешь, как сделать красиво. А если этого покажется мало, можешь и вовсе выжечь здесь клеймо со своим именем. Вдруг тоже выйдет недурно?

Су Минья уловил в его голосе нотки скрытой досады, но это лишь раззадорило его. Он привлёк юношу ближе и нежно прижал губы к тёплой коже на его шее:

— Не нужно. Ты прекрасен в любом виде. Но всё же, почему ты до сих пор не отчитал меня?

— Оставлю это на следующую жизнь, — фыркнул Сяодун. — Вот тогда уж точно спущу с тебя три шкуры.

Минья лишь крепче сжал его в объятиях, приняв его слова за милую шутку. Он упивался этим мигом близости, словно вернулся в тихую гавань после долгих лет скитаний. Израненная душа наконец обрела долгожданный покой.

Сяодун мягко отстранился и достал из-за пазухи небольшую шкатулку. С самым грозным видом, хоть его покрасневшие глаза и выдавали волнение, он протянул её Минье:

— Вот, держи. Твой подарок на день рождения. Здесь ровно семнадцать конфет. Живо ешь!

В этот миг Су Минья без колебаний выпил бы даже яд, поднеси его этот юноша к его губам.

— Хорошо, — улыбнулся он. — Позволь мне принять угощение из твоих рук.

Сяодун молча открыл шкатулку, достал круглый красный леденец и бережно вложил ему в рот. Он делал это медленно, одну за другой, с таким сосредоточенным видом, словно совершал священный ритуал.

— Несладко, да? — тихо спросил Сяодун.

— Нет, очень вкусно... хоть вкус и весьма необычный, — послушно сглатывая сладости, ответил Минья.

— Я сам их сделал, — выдохнул Сяодун, скармливая ему последний леденец. Напряжение наконец покинуло его, и он бессильно прислонился к его груди. — Ты оберегал меня столько лет, и мне просто не хотелось оставаться перед тобой в долгу.

Су Минья усадил его к себе на колени, ласково поглаживая выступающие позвонки на хрупкой спине:

— Что за глупости ты говоришь?

Сяодун совсем обмяк в его руках:

— Я видел этого юношу... Су Сяюяня. Твоего нового наложника.

Грудь Су Миньи содрогнулась от тихого, бархатистого смеха:

— У меня нет наложников. — Затем он добавил ещё тише, почти на ухо: — У меня будешь только ты. Старейшины привели его лишь потому, что он отдалённо напоминает тебя. Никакой он мне не любовник. Если он тебе неприятен, я прикажу отослать его прочь, и ты больше никогда его не увидишь.

Сяодун лишь покачал головой, чувствуя полное бессилие:

— Не нужно заходить так далеко. Он мне даже понравился... К тому же, не будь Сяюяня, твои родные подыскали бы какого-нибудь Сяо Чжи или Сяо Яна. Твою семью злит само моё существование, при чём тут этот несчастный мальчик? Из-за меня его втянули во все эти грязные игры. То, что он похож на меня, — его величайшее проклятие.

Он мягко похлопал Минью по спине, вновь возвращаясь к своей привычной болтовне:

— Наш молодой господин Су подобен сошедшему на землю небожителю, у тебя ведь такое доброе сердце. Не стоит срывать злость на ребёнке. Если можешь, присмотри за ним. Не хватало ещё, чтобы он повторил мою судьбу — вечно ходил в синяках и терпел побои от каждого встречного.

Он знал, что Су Минье нелегко влиять на поведение Юэ Сюньчжи, но всё же не удержался от вопроса:

— Этот господин Юэ в последнее время совсем отбился от рук. Нельзя ли как-то приструнить его?

— Пустяки, — небрежно отозвался Минья. — Скоро весенние экзамены, и он непременно примет в них участие. В клане Юэ все как один — хитрые, ничтожные крысы, и только этот дурак хоть на что-то годен. Родня сама запрет его дома ради подготовки.

— Ну и славно, — облегчённо вздохнул Сяодун и спросил: — А как же ты? Разве ты не собираешься сдавать экзамены?

— Мне это ни к чему, — ответил тот, нежно прикасаясь губами к его лбу. — А ты бы хотел попробовать?

Сяодун негромко рассмеялся:

— Мои домашние уверены, что я круглая бестолочь, и мне незачем тратить время на учёбу. А ты как думаешь? Мне важно твоё мнение.

— Тебе стоит поучиться ещё пару лет, спешить некуда, — Минья медленно покрывал поцелуями его лицо, спускаясь ко рту, и ласково прошептал: — Ты начал обучение позже других, так что сначала нужно наверстать упущенное. А когда придёт время сдавать экзамены, тебе вовсе не обязательно метить в первые ряды. Достаточно просто увидеть своё имя в списках поступивших, и тогда я найду способ забрать тебя к себе.

Сяодун изумлённо распахнул глаза, но на его губах по-прежнему играла улыбка:

— И сколько же лет тебе тогда будет? Неужто к тому времени ты обретёшь такое могущество?

Минья не дал ему договорить — вовлёк в глубокий, дурманивший разум поцелуй. Он жадно сплетался с ним языками, стремясь выпить его без остатка. Когда они наконец разорвали объятия, он прижал его к себе, чувствуя нестерпимую жажду, но вовремя взял себя в руки, не позволяя собственному вожделению взять верх над рассудком.

— Да, я стану сильнее. Во всём, — прошептал он, нежно целуя ямочку на его щеке.

В следующий миг он бережно, но настойчиво повалил Сяодуна на широкий деревянный стол. В последнее время его душу непрестанно жгла глухая тревога, и единственным спасением от неё были мысли о любимом. Но эти думы неизбежно пробуждали в нём тёмное, непреодолимое желание.

Ему безумно хотелось обладать им. Целиком и полностью. Лишить его невинности, проникнуть в самую глубь его естества.

Но стоило ему вспомнить, как несколько лет назад, поддавшись мимолётному порыву, он впервые коснулся губами этого хрупкого создания, как по телу разлилась сладкая истома. Этот поцелуй превратился в пагубную зависимость, лишив его былой хладнокровности.

Су Минья прекрасно понимал: если они сейчас разделят ложе, он окончательно потеряет рассудок. Сяодун расцвёл, его красота и гибкое тело манили с такой силой, что устоять было почти невозможно. Поддайся он искушению — и он навеки погрызнет в сладострастном плену, позабыв обо всём на свете.

Его разум заполнит единственная похотливая мысль — обладать им вновь и вновь, без конца. Ещё тогда, захлёбываясь от безумных поцелуев той бурной ночью, в его голове промелькнула дикая, постыдная мысль: «Будь Сяодун девушкой... если бы я мог зачать в его лоне дитя, моим напыщенным родственникам пришлось бы смириться с его присутствием в нашем доме».

Это было безумно, низко и грязно — настолько, что он сам страшился собственных желаний.

Ему нельзя терять контроль. Нельзя совершать этот роковой шаг, пока его положение при дворе и в собственной семье остаётся столь шатким.

К тому же он ни на секунду не забывал о главном: Сяодун оставался живым подношением, драгоценной жертвой, которую клан Гу берёт для императорского престола. Юноша с малых лет бывал в запретных чертогах. И Су Минье было прекрасно известно, что Второй принц Гао Минцянь питал слабость к юношам с проколотыми ушами.

Он узнал об этом ещё четыре года назад, но тогда лишь посмеялся над вздорными слухами.

Теперь же всё изменилось. Перед ним лежало лишь два пути: либо надёжно спрятать Сяодуна, не позволив клану Гу сделать его разменной монетой, либо в кратчайшие сроки обрести небывалое могущество, чтобы со временем диктовать свои условия самому Второму принцу. И второй путь казался куда более осуществимым.

Если бы старейшины клана Су по-прежнему во всём поддерживали его, он мог бы убедить их уберечь Сяодуна совместными усилиями. Но те питали к приёмышу лютую ненависть, сдерживая свои порывы лишь из уважения к могущественному роду Гу.

Су Минья не желал отдавать его никому. А значит, у него оставался единственный выход — бороться за власть до последнего вздоха.

Его терзала невыносимая, жгучая жажда. Сдерживать себя становилось всё труднее, и он мог лишь иступлённо прижиматься к его податливым губам, пытаясь утолить этот непрекращающийся голод.

К счастью, Сяодун то ли по наивности своей, то ли из страха, а может, из врождённого чувства меры никогда не заходил слишком далеко и не пытался завлечь его в постель, податливо раздвинув ноги. Прояви он хоть каплю настойчивости — и Су Минья не устоял бы и сорвался в бездну греха при первой же возможности.

Молодая кровь кипела в жилах. Одно дело — изнывать от неведения, и совсем другое — годами удерживать в объятиях это прекрасное, расцветающее с каждым днём существо. То, что он умудрялся сдерживать себя целых четыре года, граничило с чудом.

Изо дня в день он упивался его неземной красотой, но в то же время проклинал её.

Этот глупенький мальчишка льнул к нему с такой чистой, искренней нежностью, даже не осознавая, какую бурю желаний пробуждает в его теле каждым своим мимолётным касанием.

Настоящая, изощрённая пытка.

Пока Сяодун, прижатый к оконной раме, тонул в объятиях возлюбленного, в тёмном ночном небе бесшумно скользнула стремительная тень. Описав несколько кругов над башней, крик плавного опустился на плечо своего хозяина, стоявшего неподвижно среди ночного мрака.

Гу Цзиньюй запрокинул голову, бесстрастно взирая на уходящую ввысь громаду Башни Сбора Звёзд. Он не шелохнулся до тех пор, пока в вышине не появился белый голубь, отправленный Чжу Лю из императорского дворца — знак того, что ему пора возвращаться.

«Ещё немного, — билось в его сознании. — Нужно лишь набраться терпения. Самое позднее в следующем году всё изменится. Трон обретёт нового хозяина, и тогда я окажусь на вершине власти. Сила и свобода станут моим оружием. Я растопчу клан Су. И за каждую обиду, за каждое пренебрежение, что они высказали Сяодуну, они приползут на коленях, умоляя принять его обратно»

Но судьба распорядилась иначе. Ему всё же суждено было опоздать.

<http://bllate.org/book/20609/2193146>